

некоторые, надо думать, даже пропустил, но тем не менее он довел до нас не свой конспект, а какую-то обработку оригинального текста V в., причем сумел в ней отразить некоторые соображения автора и оттенить его общие политические взгляды, а также показать крайнее разнообразие содержания его труда, который вместил в себя и сообщения о крупных исторических событиях, и заметки путешественника, и наблюдения человека, прикосновенного к школе и к книге, и впечатления от улицы, появляющихся на ней видных лиц, наполняющей ее толпы, посягающих по ней слухов. Отсутствие в большинстве случаев четкой хронологической связи между разными частями записей Фотия можно объяснить, вероятнее всего, плохим соблюдением этой связи у самого Олимпиодора. Перед тем как перейти к содержанию эксцерпированной книги, Фотий имел обыкновение давать если не облик, то некоторые сведения о писателях, которых, очевидно, ощущал как живых людей. Иногда проявлял он и свое отношение к обрабатываемому им материалу чужих книг: кое-где в выборках слышен его голос, вносящий сдержанные критические замечания.

Работе над сочинением Олимпиодора Фотий предпослал некоторое введение. Он сообщает, что прочел 22 книги „историй“ (*ιστορικῶν λόγων*) этого автора и что в них охвачен период от 407 до 425 г.; годы Фотий называет, как это полагалось в отношении хронологии V в., по консульствам. Он не говорит подробнее о величине труда Олимпиодора, но вполне можно предположить, что ученый византиец делал выписки не для того, чтобы дать представление о маленькой книжке; вероятно, произведение Олимпиодора было объемистым, так как „книгами“ обычно называли крупные части или отделы литературного труда. Если обратиться к примерам, то убедительной аналогией может служить „История“ Аммиана Марцеллина в виде дошедших до нас 18 книг (с 14-й по 31-ю); они описывают только 25 лет (с 353 по 378 г.), но занимают в наших изданиях около сорока печатных листов.

Указав, что Олимпиодор происходил из египетских Фив и был по религии язычник („элли“), а по профессии сочинитель („поэт“), Фотий проявляет полную неудовлетворенность своим автором как писателем. Он считает, что язык и стиль Олимпиодора не заслуживают высокой оценки, что хотя обороты его речи и ясны (*σαφής μὲν τὴν φράσιν*), но невыразительны, бесстрастны (словом *ἴστωνος* подчеркнуто, что язык скучен, лишен ударений и контрастов), а потому не сильные, даже ослаблены (*ἐκλελειμένος*). Наряду с монотонностью писательской речи Фотий порицает склонность Олимпиодора к банальным, плоским выражениям; этого не терпел сам критик, отличавшийся как изысканным, так и ярким, а порой и сильным слогом. Поэтому он обвиняет Олимпиодора в „избитом просторечии“ (*πεπατημένην χυδαίολογίαν*), в привычке писать чрезмерно обыкновенным стилем и впадать даже „в простонародный говор“ (*εἰς ἰδιωτισμὸν*). Не имея в руках подлинного сочинения Олимпиодора, трудно заключить, прав ли Фотий в подобной критике, был ли стиль Олимпиодора действительно скучен, банален и невыразителен, хотя, быть может, гладок и понятен, или, наоборот, будучи ярким в своей простонародности, в близости к разговорной речи масс, он был неприемлем лишь для высокообразованных людей, говоривших и писавших, по моде своего времени, торжественным, несколько искусственным и подражающим древним авторам слогом. Недаром критик отмечает, что сочинение Олимпиодора ничем „не украшено“. Во всяком случае, хотя и ставя это в связь только с дурным стилем и с простонародным словарем, Фотий делает еще один, весьма серьезный, упрек